

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVIII
DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.005

Е.И. Пивовар

ПЕРВОЕ МЕСТО РАБОТЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

редакция «Исторического вестника» обратилась ко мне с предложением опубликовать на страницах своего специального номера материал, посвященный мемуарной проблематике. Считая, что для читателей журнала будут иметь значение воспоминания о работе редакций исторических журналов нашей страны, предлагаю свои заметки. События, о которых пойдет речь в данном очерке, происходили в 70–80-х гг. прошлого века и отстают от нас сегодняшних уже на 35–50 лет. Многие мои учителя и старшие коллеги, к сожалению, уже ушли от нас в мир иной... Кардинально изменилось и продолжает меняться в жизни редакций периодических исторических изданий очень и очень многое. Некоторые явления и процессы, поступки участников тех событий трудно даже и представить современному молодому читателю... Тем не менее автор считает своим долгом историка воссоздавать картину прошлого, не приукрашивая и ничего не замалчивая, а также по возможности сохранить историческую память о тех своих учителях и коллегах, с которыми свела его судьба. Смее надеяться, что мои скромные усилия добавят некоторые живые штрихи к Вечной памяти об этих людях, хранящейся в десятках и даже

в сотнях книжек журнала «История СССР», стоящих на полках библиотек в самых разных уголках мира ...

Редакция журнала «История СССР» — очень важная страница в трудовой биографии автора этих строк. В то время я был аспирантом очного отделения Института истории СССР. Все серьезно изменилось после авиакатастрофы в аэропорту Праги, где погиб мой научный руководитель Ю.В. Воскресенский. Это произошло 19 февраля 1973 г. И тут В.З. Дробижев, как заместитель главного редактора журнала «История СССР», предложил мне перейти на работу в редакцию. Мой в будущем добрый друг и товарищ Юра Игрицкий из журнала уходил в ИНИОН, и меня предложили на его место заведующего отделом «История СССР за рубежом».

Формально это был мой первый опыт постоянной работы по специальности, которую я получил на историческом факультете Московского университета. Понятно, что никто и никогда не готовил меня к редакторской деятельности — ведь это отдельная профессия, которой обучали в Полиграфическом институте. Но, как показала практика, для плодотворной работы в научном журнале подчас достаточно быть профессионалом в науке, а не в полиграфии вообще. К тому же крайне важно было знать сам мир профессиональных историков страны и иметь представление о состоянии исторической науки в мире. Ведь судьба научного журнала в прямом смысле зависит от правильной редакционной политики и качества материалов, заказываемых авторам. А для этого надо понимать, кто чего стоит в этой среде.

Конечно, это приходит с опытом. В случае с нашим журналом нельзя было совсем отрешиться и от идеологии. Разумеется, советский идеологический контроль в научном журнале был не таким прямым, грубым и примитивным, как в массовой печати. Но сказать, что его совсем не было, как и самоцензуры, было бы явным искажением тогдашней действительности.

Я, безусловно, попал в «тепличные условия». Главным редактором был мой профессор, блестящий ученый, первооткрыватель и наставник в сфере применения математических методов в истории, будущий академик и руководитель Отделения истории РАН (тогда уже член-корреспондент АН СССР) Иван Дмитриевич Ковальченко. Иван

Дмитриевич был одноклассником моего отца, и даже воевали они на одном 3-м Украинском фронте. Светлая ему память! Его заместителем и главным куратором моего отдела был мой Учитель — профессор истфака В.З. Дробижев, а два других заместителя главного редактора (один сменил при мне предшественника — профессор Л.В. Милов и профессор Б.И. Краснобаев) тоже были моими учителями на факультете. Я слушал их лекции и сдавал им экзамены и зачеты. Помню прекрасно лекции Леонида Васильевича, его, в хорошем смысле слова, научную задиристость и прекрасную осведомленность о потенциале и подходах его коллег к богатой и неоднозначной сфере российского Средневековья и российского XVIII столетия. Борис Ильич Краснобаев был специалистом по истории российской культуры XVIII–XIX вв., а также вел на истфаке всю проблематику методики преподавания истории в школе. Это был очень тонкий, эрудированный человек, доброжелательный и мягкий по своему характеру, но имевший за плечами суровые и героические страницы биографии — ведь он, как и Ковальченко, был фронтовиком и сражался в Сталинграде.

Дробижев был моим куратором не только потому, что я был его учеником (в моем представлении иного и быть не могло), но и потому, что большинство материалов в моем разделе были все-таки посвящены истории страны XX в., а функции заголовков в основном делились по хронологическому принципу. Он же и попросил одну из руководительниц отделов, а конкретно заведующую отделом критики и библиографии Наталью Георгиевну Думову курировать меня на первых порах. В этом решении была очевидная логика. Думова готовила рецензии на новые работы советских авторов, заказывала и публиковала обзоры новых исследований по какому-то сюжету. По сути дела, я должен был делать почти то же самое применительно к зарубежным изданиям по проблематике отечественной истории. Разница, конечно, была. С одной стороны, в научном академическом журнале мы могли цитировать зарубежных авторов и давать сноски на их работы, но с другой стороны, головой отвечали за суть этих цитат и тем более за контраргументы, которые приводились после цитирования. Вот такая изошренная казуистика. В редакторе такого отдела, как на Луне, должны были сочетаться две линии: первая — стремление дать как можно больше объективной информации о том, что же пишут о нашей истории за рубежом, и линия, прикрывавшая эти его усилия от вероятных нападков со стороны смотрящих за журналом органов, в форме контраргументов. Таким образом необходимы были и знания, и политическое чутье.

Конечно, и то и другое приходит далеко не сразу, а может и вообще не прийти. Так же как и редакторские навыки, аргументированность и логика в изложении. Эта работа при всей сложности описания ее сути, бесспорно, была и работой творческой. Ведь редактор, вольно или невольно, становился реальным соавтором публикации, и чем слабее были потенциал, способности или научно-политическое чутье автора, тем больше становилась доля соавторства. Но и там, где автор был действительно профессионален, роль редактора могла быть тоже крайне важна — как профессиональный взгляд со стороны, как пристальная оценка, заинтересованного в конечном успехе первого читателя.

Все это я пытаюсь объяснить только для того, чтобы подчеркнуть значимость и бесценность того опыта, который судьба мне подарила, позволив начать свою трудовую деятельность именно там — в редакции журнала «История СССР».

А ведь неплохая была компания!!! В редакции в качестве главных ее редакторов работали в разное время: академик М.П. Ким, академик Ю.А. Поляков, академик И.Д. Ковальченко. В аппарате редакции начинал заведующий его отделом и будущий академик РАО С.О. Шмидт. В ней трудились мои старшие товарищи и друзья: В.Ф. Кутьев, М.А. Рахматуллин, Г.И. Щетинина, Р.В. Костина, М. Польский, Г.С. Осипян, О.В. Рахманин. Мои ровесники или сотрудники чуть младше меня — ставший руководителем издательства М.Ф. Гржебин, будущий директор Института российской истории Ю.А. Петров, будущий главный редактор нашего журнала С.С. Секиринский.

В работе нашей редколлегии участвовали академики Л.В. Черепнин, М.В. Нечкина, И.И. Минц, Л.В. Милов, активно выступал А.Я. Грунт. Еще до моего прихода в редакции блистала Наталья Георгиевна Горская. Здесь начинали такие выдающиеся личности, как, например, Юрий Карякин или основатель исследования российского зарубежья Л.К. Шкаренков. Ну а что касается авторского коллектива, то это был практически весь цвет исторической науки времен моей молодости и последующих лет.

Ну а теперь о трудностях начала пути, которые, конечно, были. Ведь научить творчеству не только нелегко, но подчас просто невозможно. Но я всегда мог обратиться за помощью к своему предшественнику Юрию Ивановичу Игрицкому, у которого получал всегда объективную информацию о любом персонаже из авторского актива редакции по профилю моего отдела. Ну а с Натальей Георгиевной Думовой я проходил азы работы над авторским оригиналом сначала рецензий — первые три моих произведения были рецензиями и вышли в очередном номере

журнала под рубрикой моего отдела. Кстати, впервые за многие годы в номере не было статьи в разделе «История СССР за рубежом». Это и было косвенным показателем того, что в редакции появился новый сотрудник, только что входивший в курс дела. Моя попытка подготовить свою первую значительную по масштабам продукцию не увенчалась успехом. Однако в следующем номере уже была и какая-никакая статья, и несколько рецензий, и дело постепенно пошло.

Теперь несколько слов о самой системе работы нашей редакции. По сути, каждый редактор отвечал за свой раздел журнала или за свой хронологический период в повестке дня журнала. Этот человек и назывался заведующим отделом, хотя в этом отделе он один и работал. Исключения были крайне редкими, и о них речь впереди. Поэтому никакого подсиживания или конкуренции по поводу занятия того или иного места в редакции между сотрудниками вообще не существовало. А вот взаимная поддержка, пусть даже в процессе критики того, что делали твои товарищи, была, ибо все были заинтересованы в улучшении продукции друг друга и, тем самым, самого издания. Никто не имел никакой внутренней информации о том, что делал и тем более собирался делать другой отдел, если ему эту информацию не желали сообщить. Но при этом все имели полную информацию о работе своих товарищей, если товарищи сами хотели, чтобы эта информация стала известна коллегам. Вот такая была интересная и во многом плодотворная атмосфера творческой, научной и административной работы, работы с людьми и с их творческим и научным продуктом. К этому следует добавить и регулярные перевоплощения сотрудников редакции и заведующих отделами в авторов журнала. Тогда коллега по редакции становился на время не только коллегой по другому отделу, но и твоим собственным редактором. Оба временно оказывались не в своей обычной роли, что тоже было крайне интересно, познавательно и поучительно. Ну а когда твоим автором становился член редколлегии или зам главного редактора, или даже главный редактор, то это становилось событием в биографии редактора и, конечно, не могло быть не отмечено и не разобрано «по косточкам» в коллективе редакции. Ведь при всем том, что каждый отвечал за вверенный ему участок работы и должен был обеспечить в каждый номер примерно по три печатных листа готовой продукции (т.е. уже после редакторской правки и снятия вопросов членов редколлегии и главной редакции — главного и его двух замов), это была коллективная работа и аппарата самой редакции, и авторов, и рецензентов, и литературного сотрудника, а также многих людей вне редакции. Впрочем, в гуманитарной сфере всякая научная и творческая работа

при всей ее индивидуальности всегда имеет элемент коллективного творчества или коллективного влияния на конечный результат.

В этой творимой научными редакторами нашего журнала работе было несколько постоянно сменявших друг друга стадий. Стадия поиска и заказа материалов, стадия вынесения их на редколлегию журнала, стадия работы с авторами после получения отзывов членов редколлегии, стадия подготовки рукописи к сдаче в набор, стадия работы с версткой рукописи, стадия работы со сверкой верстки рукописи и последняя контрольная стадия работы с так называемыми «чистыми листами». Журнал наш выходил шесть раз в год. И эти стадии чередовались постоянно. В самой редакции были важные процедуры, которые также должны были помогать в достижении качественного результата. К таким процедурам относилось, например, коллективное обсуждение верстки следующего номера, когда коллега читал материал, подготовленный другими отделами. При этом зам главного редактора и, конечно, главный редактор читали весь номер, ведущие отделы читали большинство статей, а некоторые разделы читались редакторами смежных отделов. Так или иначе, большая часть редакции знакомилась с подавляющей частью материалов очередного номера уже в «металле». Правка, конечно, разрешалась, но излишняя не приветствовалась, так как это увеличивало затраты на типографию. К тому же увеличивались затраты на работу при чтении в следующем варианте после сверки верстки.

Процедуры этих коллективных обсуждений запомнились мне навсегда. Во-первых, я увидел своего Учителя в совершенно новом для меня качестве: выдающегося организатора творческого, научного и научно-политического процесса.

Надо сказать, что Владимир Зиновьевич обладал выдающимся научным и научно-политическим чутьем. Он молниеносно схватывал суть дела, тут же принимал решение, был немногословен, но суть всегда выявлял. А суть находилась в рамках двух координат: целесообразности и опасности того или иного сюжета, а также обоснованности риска публикации в том или ином виде. Кстати, и правил текст он тут же мастерски, если этого требовал момент. В этом качестве мой Учитель был просто великолепен. И даже когда данную процедуру проводил сам Иван Дмитриевич, чувствовалось, что Дробижева нам не хватает. Может быть, тут влиял фактор времени — Владимир Зиновьевич проделывал всю процедуру быстрее.

Но я рассказываю об итогах этих обсуждений. А существо заключалось в том, что коллега, читавший материал с соседнего стола, ниче-

го лично не имея против редактора материала, как правило, выступал в роли обвинителя! Защитников при этом было маловато. Тут демонстрировалось и критическое видение темы в целом, и отношение к самому автору текста. Это могло бы походить на экзекуцию, если не знать, что никаких оргвыводов не делалось. К тому же в роли «обвиняемого» мог оказаться каждый. Попав первый раз на эту процедуру, я просто не мог себе места найти, тем более что ни опыта, ни веса в редакции у меня не было никакого. Критика, которую принимали не всегда серьезно, казалась иногда и просто полиграфией: много абзацев на полосе, мало «воздуха», не те шрифты и прочее.

Я с трудом прорывался сквозь завалы справедливой и не очень справедливой критики, исправлял, что мог, отстаивал, что мог, у начальства. Один раз смог и «зубки свои показать». Одним из постоянных критиков моих был Марк Петрович Польский, а постоянной защитницей выступала мой куратор Наталья Георгиевна Думова. О них речь еще впереди. Но тогда Польский, как обычно, не оставил камня на камне от продукции всех авторов и их редакторов с полиграфической точки зрения. И тут я робко вставил свои «пять копеек», отметив, что в одном его материале, а он тогда отвечал за рубрику «Научная жизнь», на одной и той же полосе — одиннадцать абзацев, а первые пять, вообще, все подряд начинаются с предлога «в»! Наступила полная тишина, потом хмыкнул Дробижев, а затем раздался дружный, почти гомерический хохот всех присутствующих, включая и самого Марка Петровича.

Так я впервые вписался в атмосферу коллектива... В целом же меня приняли хорошо. В нашей большой редакционной комнате, метров сорока, наверное, располагались пять отделов, исходя из количества столов в ней. В другой комнате поменьше было два отдела, включая и отдел моей кураторши. Был еще и кабинет-пенал, в котором, постоянно куря, располагался наш ответственный секретарь Георгий Суренович Осипян. Этот человек должен был постоянно находиться в редакции, чтобы ответить на любой вопрос начальства, типографии, издательства или кого угодно, кому приспичило в редакцию прийти. Должность очень непростая... К тому же он был живой историей страны — сыном бакинского комиссара Сурена Осипяна, расстрелянного белыми во время Гражданской войны.

В центральном отсеке нашей редакции были приемная, кабинет главного редактора, его заместителей, и комната, где проводились заседания редколлегии журнала.

Напротив меня восседал могучий и высокий мужик с огромными кулачищами. Он не раз, чем-то возмущившись, крушил ударом по столу

лежащее на нем стекло, пока его не заменили чем-то небьющимся. Валентин Федорович Кутьев в свое время хлебнул фунт лиха, оставшись в годы войны без обеих ног. На протезах поднимался он в редакцию по адресу Кузнецкий Мост, 19 (лифта не было), на третий этаж дореволюционного дома, что, наверное, соответствовало пятому этажу «хрущевки». Тяжело входя в нашу комнату, он резко бросал на свой стол очередной опус «писателя». А это были материалы по истории советского периода, которые по своему первоначальному качеству были чаще всего слабее работ по дореволюционному периоду. Но именно с одного из них должен был начинаться номер! Затем он располагался на рабочем месте и встречал любого автора своего отдела почти со свирепым выражением лица. Не раз наблюдал я прямо робевших перед его «грозной» фигурой людей и с учеными званиями, и с военными регалиями. Но это, конечно, была театральная постановка, защищавшая нашего коллегу от возможных для него неожиданностей. На самом деле это был милейший и добрейший человек, никого в жизни уже не боявшийся, кроме собственной жены, и обожавший совершенно безгранично свою маленькую дочь. Ни той ни другой я никогда не видел, но и сейчас чувствую себя словно их родственник... Так много мне довелось о них слышать от моего визави.

С Дробизевым они были на «ты»: «Валя» — «Володя». К тому же у моего шефа был закадычный друг и однокурсник Кутьева по МГИАИ — Б.Г. Литвак. Вот тогда я, кстати, второй раз в жизни после Института истории СССР столкнулся с МГИАИ — ведь большая часть сотрудников, наверное, были выпускниками МГИАИ. Другая же, к которой и я принадлежал, были из МГУ. Были, конечно, и ребята из других вузов, но их было в разы меньше.

Валентин Федорович, наблюдая за мной, дал мне первый профессиональный совет, которому я следую до сих пор. После редколлегии мы должны были передать авторам мнения членов редколлегии. Они, как правило, оставляли письменные замечания, но многое излагали устно. Мы, присутствуя на заседании, многое записывали, так же как и окончательный вердикт главного редактора, который редколлегию вел. Когда ее вел зам главного, тогда он и выносил вердикт. И вот я стал составлять итоговое письмо одному известному автору и мучился, как же все это правильно и четко изложить. Тут Кутьев мне и говорит: «Старайся вообще этого не делать никогда. Вот ты все, что было, опишешь, автор с твоим “документом” пойдет, куда угодно, будет его показывать, кому угодно. Все от своих слов в твоём изложении будут отказываться, а ты — нет, не смо-

жешь. Ты же это на бланке написал и подписал! Оставлять такие бумаги нельзя. Возьми телефонную трубку, продиктуй ему, в общем, кто и что сказал, без фамилий и положи ее на рычаг...» Конечно, это был совет до эпохи цифровой революции, но он и сейчас не потерял актуальность!

Как-то, когда мы остались вдвоем и не было наших женщин в комнате и вообще в редакции, он при мне был вынужден на время снять свои всегда как новенькие ботинки вместе с протезами. Они стояли у стола, словно отдельные по колено ноги... И я увидел, как ему больно и тяжело...

Валентин Федорович был абсолютно антисталински настроен еще с военных лет. Он своего отношения к вождю никогда не скрывал, да и спорить-то с ним кто мог отважиться. А вот мой горячо любимый и чтимый отец, вернувшийся с фронта живым и почти невредимым (был, правда, контужен), Сталина чтил. Может быть, не столько чтил Сталина, сколько не чтил Хрущева. А Кутьев ненавидел Сталина и последователей его тоже не жаловал.

По вечерам они садились с Морганом Абдуловичем Рахматуллиным за шахматы, и тут Кутьев давал волю темпераменту, страшно не любя проигрывать. О Рахматуллине рассказ впереди. Самого же Кутьева любили и ценили, стараясь хоть чем-то угодить, все наши милые женщины. Однако через какое-то время Валентин Федорович уже не смог работать в полную силу и из редакции ушел.

Ушла, как и он, в Институт истории СССР и моя спасительница — Наталья Георгиевна Думова. Подобное перемещение рассматривалось общественным мнением и в редакции, и вне ее как повышение по службе. В редакции же они были костяком коллектива. Думова прошла в журнале долгий путь от секретаря до заведующей ведущим отделом. Она остро чувствовала слово и бесспорно была и остается в моем представлении одной из самых эрудированных коллег, с которыми меня свела судьба. Эта еще молодая, сорокалетняя женщина обладала жизнерадостным и кипучим темпераментом, имела большой редакционный опыт и многое из того, что происходило в нашем историческом цеху, знала не понаслышке. Ну а как профессионал, она занималась судьбой кадетской партии и ее лидеров в предреволюционные и послереволюционные годы. Сама эта проблематика в описываемые мною годы виделась несколько оппозиционной.

Наталья Георгиевна обещала Дробижеву, которого она очень чтילה и даже по-женски опекала, поставить на крыло его ученика, и очень старалась, чтобы я побыстрее на это крыло встал. И понять ее можно было — ведь ее собственную работу никто за нее не делал, а мои мате-

риалы она получала, простите за откровенность, в качестве бесплатного приложения. В итоге она выбрала путь обучения, который был прямо практик-ориентированным, т. е. проб и ошибок ее ученика. За процессом с нескрываемым удовольствием и ерничеством наблюдал ее сосед по комнате — заведующий отделом истории феодализма Морган Абдулович Рахматуллин. Он был моим коллегой долгие годы, а впоследствии стал одним из замов главного редактора журнала. Рахматуллин все время поддевал Наталью Георгиевну за ее педагогические приемы, а заодно и мою душу язвил. А Думова всегда становилась на мою сторону, считая, что она одна имеет право меня распекать, а вот другим не полагалось. Но на первых порах, если честно, она просто заново редактировала мою продукцию, поскольку легче было переделать, чем объяснить. Но я все-таки оказался обучаемым и шаг за шагом все больше и больше делал сам. А потом наступил период, когда я с чем-то мог уже и не согласиться.

Этот краткий период особенно «радовал» Рахматуллина, который был самоназначенным третейским судьей в наших дебатах. Потом наступил период, когда с согласия Дробижева и Думовой меня отправили в свободное плавание, но Наталья Георгиевна еще какое-то время курировала меня в ходе обсуждений верстки и, поверьте, я не раз получал по полной... Тогда уже Дробижев занимал то ее позицию, то мою, то среднюю... Так все и устоялось.

Проводя с Натальей Георгиевной много времени в работе над материалами, мы много рассуждали и, как говорится, не по теме. Ее советы были для меня бесценны. Речь могла идти не только о взаимоотношениях в нашем небольшом коллективе, но и в Институте истории СССР, и в Отделении истории АН СССР. А это было наше высшее руководство. Что уж говорить о ЦК КПСС, а конкретно о двух отделах ЦК, куда Ковальченко и Дробижев, а затем сменивший его Илья Николаевич Зеленин ходили регулярно. Это были Сектор истории Отдела науки и высших учебных заведений и Отдел агитации и пропаганды. Но темами обсуждения могли быть и новые книги, и публикации в литературных журналах и многое другое. Проще говоря, я проходил в полном объеме программу приобретения профессиональной, да и жизненной, в целом, квалификации. Что из этого получилось, не мне судить, но Наталья Георгиевна свою наставническую миссию выполняла стоически. За это я ей всегда буду безмерно благодарен!

Нельзя не вспомнить и занятный эпизод наших взаимоотношений, связанный с одним из самых радостных дней моей жизни! 16 мая 1974 г. моя жена Галя родила нашего первенца Петра. Как только я оказался

в редакции, все, конечно, уже готовы были разделить мою радость. Я же припас все, что требовалось, и мы выпили коньяку. Думова радовалась вместе со всеми, но при этом чем-то была очень взволнована и все время что-то искала в своем столе. Как мы узнали позднее, она не могла найти свой партбилет, который требовался для предъявления в связи с предполагавшейся поездкой вместе с мужем — главным редактором журнала «Вопросы истории» в Японию! Не найдя его, она вынуждена была признаться в этом своему высокопоставленному супругу, который ей попенял: «Наташа! Как ты меня подвела!» Это был недавний новый брак Натальи Георгиевны, и она, конечно, очень переживала о случившемся. Кстати, тогда потеря партбилета действительно была сродни катастрофе! И вот, после возлияний в кабинете главного редактора по поводу рождения моего сына, она вернулась к себе и в отчаянии резко выдвинула ящик стола так, что он вывалился... За задней стенкой ящика она обнаружила свой партбилет! Тут она так обрадовалась рождению Пети, что вручила нам денег на две новые бутылки коньяку. Я немедленно спустился в магазин на первый этаж нашего дома на Кузнецком и купил две бутылки «Плиски»! Так что праздник в редакции затянулся надолго.

Первыми моими масштабными делами в качестве заведующего отделом «История СССР за рубежом» была подготовка материалов к 30-летию Победы в 1975 г. Мы приняли решение подготовить серию статей по англо-американской историографии важнейших битв той войны: Битвы за Москву, Сталинградской битвы, Берлинской операции. Уже тогда, 45 лет назад, готовя к публикации эти материалы, я увидел, что в историографии стран Запада уже с первых послевоенных лет вклад СССР в Победу постоянно принижался и замалчивался.

В том же году я подготовил публикации своего раздела, связанные с юбилеем революции 1905 г. К этому времени замом главного редактора по досоветскому периоду стал мой профессор по Истфаку Борис Ильич Краснобаев. Почитав мои материалы, он их все запорол. Борис Ильич вообще недолго любил эти обзоры критики зарубежных авторов как данность. Он вообще не очень понимал, зачем они нужны. Поэтому спорить с ним о мелочах или конкретных сюжетах на эту тему было почти бесполезно.

Но я должен был заполнить представленные мне объемы номера, поэтому стал лихорадочно искать выход. Поехал к Игрицкому. Тот, не пытаясь что-то объяснить, стал активно править готовый вроде материал, переставляя страницы, абзацы, добавляя и позитива, и критики. Попивая при этом портвейн, он приговаривал: «Ну, Коля, ну, Коля!!!» — поминая

так хорошо нам обоим знакомого и не раз редактируемого автора! В итоге что-то получилось нашими общими усилиями. Я опять пошел к Краснобаеву. Тот увидел, что многое из того, что его не устраивало, или изменилось, или вообще исчезло из текста статьи и... сменил гнев на милость.

Авторы, конечно, по-разному реагировали, реагируют и будут реагировать на редакторские вторжения в их текст! Редко, когда они благодарят редактора. Но, как правило, чем автор маститее, тем больше шансов получить благодарность. Не могу не вспоминать письменную благодарность мне Владимира Терентьевича Пашуто, нашего выдающегося медиевиста, который поблагодарил меня за редактирование... его небольшой рецензии.

Вместе с моим Учителем мы проработали в редакции только два года с небольшим. При этом мы продолжали и совместную научную деятельность, и я заканчивал свою кандидатскую диссертацию уже под его руководством. Кстати, собирал я материал в Архиве Министерства автомобильной промышленности, которое находилось через дом от здания редакции на Кузнецком Мосту. Дом этот все помнят по роману Солженицына «В круге первом». Именно там до 50-х гг. находилось Министерство иностранных дел, а у входа до сих пор стоит памятник Воровскому. Всесоюзная публичная научно-техническая библиотека также находится на этой улице, и там я читал технические журналы по автопрому и отраслевой журнал «Автомобильная промышленность».

Как-то возвращаемся мы вместе с Учителем в Москву с его дачи после обсуждения наших общих дел, и тут он мне сообщает, что уходит из редакции. Конечно, меня это очень опечалило, сразу почувствовал себя почти сиротой. Но надо было продолжать работать. Следует сказать, что Дробижев до последних своих дней пользовался авторитетом и популярностью в стенах редакции, и потом не раз и не два публиковался в журнале. Были у нас и совместные публикации.

Редакция всегда жила жизнью нескудной, и чопорности в ее атмосфере не было никакой. Виделись мы регулярно, но не каждый день, поэтому и не надоедали друг другу. Склок и всяких кляуз друг на друга никогда не было. А вот розыгрыши бывали. Наш дорогой Георгий Суренович, скучая в одиночестве, любил многих разыграть. Так, на 1 апреля он мог посылать наших дам в магазины за обновками и дефицитом к весне, якобы на какие-то распродажи, а Марка Петровича отправить в магазин на первом этаже дома, где тот жил, за гречкой (это был тогда дефицит).

Мне же он как-то сообщил, что звонили из «Комсомолки» и просили направить одного сотрудника в командировку в Англию, конечно со

знанием языка, и он, мол, назвал меня. Я поначалу даже клюнуд, но когда он переспросил, не звонил ли я по указанному им телефону, заподозрил неладное — чего это он так беспокоится? Тем более к тому времени я не то чтобы в Англию, но в Болгарию или Польшу попасть не рассчитывал.

На следующий год я, предупредив кое-кого в редакции, разыграл и Осипяна. У меня шел материал о трудах японских авторов, посвященных событиям Октября 1917 г. Конечно, в основном об этом событии писали японские коммунисты, а сноски печатались на русском. В общем, полная ерунда. Но это и позволяло мне заявлять все что угодно, ведь Осипян ничего проверить не мог. Я и говорю ему, вбежав и запыхавшись, что посылал на отзыв верстку этой статьи экспертам-востоковедам, и они обнаружили брак у автора: в пяти случаях он цитирует не японских, а корейских авторов! Мы обсуждали уже верстку, то есть статья уже в металле была. Осипян, когда волновался, принимался насвистывать. Он минут десять задумчиво насвистывал при тихом рыдании от смеха всех, знавших, в чем дело. Затем он вошел ко мне со словами: «Слушай, может, они хоть коммунисты?» Тут уже раздался всеобщий хохот в голос...

В 1979 г., когда я уже побывал впервые за границей — это была полностью перевернувшая мое сознание поездка в Польшу, Ковальченко позвал меня в свой кабинет и с места в карьер заявил, что хочет взять меня с собой в Америку в рамках совместного Советско-американского проекта по применению массовых источников и математических методов их анализа. Моя первая реакция была: «Это вряд ли получится». Иван Дмитриевич, фронтовик и человек бывалый в полном смысле слова, сразу сообразив, что я имел в виду, ответил: «Ну, мы еще повоюем!» Сама идея, конечно, не могла не восхитить меня. Приятно было и то, что он сам предложил мне поехать, попросив начать готовить доклад по теме моей дипломной работы, которая семь лет назад была опубликована в МГУ. Да и то, как он отреагировал на мои сомнения, было приятно. Но силы, конечно, были не на нашей стороне, и в какой-то момент Ковальченко сообщил, что поездка моя не состоится. Поводом для отказа компетентными органами послужило то, что Галя моя работала с иностранцами. На самом деле все было просто — один из курирующих это дело сам хотел поехать, ну и выдвинул нужный аргумент. Конечно, не исключено, что в ином случае также нашли бы «весомый» аргумент. Но само стремление моего начальника пробить мою поездку оставило благодарную память об этом человеке. Правда, было и комическое продолжение. Уже сообщив мне о провале нашего плана, он, с кем-то рассуждая о каком-то мероприятии, вдруг спросил меня: «Ефим! Ты с нами в Суздаль едешь?»

Через несколько лет моей деятельности в редакции я получил повышение по службе и даже подчиненную. Ковальченко решил образовать новый отдел по сюжетам, его больше всего интересовавшим. Этот отдел получил название «Историография, источниковедение, методы исторических исследований». Он предполагал публикации, я бы сказал, «высшего пилотажа». Во-первых, сам главный редактор печатал материалы именно по этим сюжетам, и мне посчастливилось быть редактором его трудов, во-вторых, многие его близкие коллеги занимались данной проблематикой. Впоследствии и я оказался в их числе. Моя подчиненная Н.В. Елисеева была выпускницей его кафедры, ученицей главного редактора и работала у нас секретарем редакции. Она поступала в мой отдел, поскольку мы продолжали готовить и материалы по истории СССР за рубежом. То есть мы с ней теперь отвечали за два раздела нашего журнала. Реорганизация привела к тому, что мне приходилось редактировать таких великих историков, как М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Б.Г. Могилевский. И, конечно, я контактировал со многими известными источниковедами и историографами, а также их многочисленными учениками. Я имею в виду и школы Л.В. Милова, Н.И. Павленко, В.И. Бовыкина или, например, А.Г. Тартаковского и Б.Г. Литвака. Познакомился я и с блестящим Н.Я. Эдельманом. Я регулярно участвовал во всех историографических и источниковедческих конференциях, как правило, организуемых И.Д. Ковальченко. О некоторых из них следует рассказать.

В Новороссийске в начале ноября 1979 г. проводилась Всесоюзная конференция по проблемам источниковедения. Погода стояла отменная, и я не поленился взять с собой ласты. Целый день обсуждали предмет источниковедения, предлагали разные определения, пока на трибуну не вбежал Н.Я. Эдельман и взмолился: «Товарищи, может, оставим это? Мы же все понимаем, чем занимаемся, зачем нам самое совершенное определение? Знаете, каково, например, официальное определение пожара? Пожар — это возгорание предметов, подлежащих возгоранию». После этого мы с моим другом, уже, к сожалению, ушедшим в мир иной, А.К. Соколовым переоделись и пошли на пляж. А возвращаясь, нос к носу встретили нашего начальника в пиджаке и галстук только что после заседания. Я к тому же еще и с ластами был. Андрей работал у него на кафедре, а я у него в журнале... и он уж не знал, с кого начать разнос. Но начал с Андрея, хотя мы понимали, что это и меня касается.

Наконец настал официальный денек отдыха на море, и все поехали под Геленджик на пляж и там даже катались на водном велосипеде. Тартаковский, доплыв до нашего с Н.Б. Селунской велосипеда, захотел тоже

покататься. Я уступил ему место и направился к берегу, но когда подплывал, увидел строгого спасателя, который засек, что начал-то я заплыв за буйками, за которые мы «заехали» на велосипеде. Спасатель препроводил меня в свою каптерку и начал записывать в амбарную книгу сведения все более и более мрачнее: Пивовар Ефим Иосифович, заведующий отделом журнала, кандидат исторических наук, Москва, Всероссийская научная конференция и в завершение — штраф за поведение на воде в размере один рубль! Иван Дмитриевич потом очень смеялся по поводу моего штрафа, просто опустившего ниже плинтуса статистику правонарушений на пляже «Черноморка».

Бывали, конечно, и не такие радужные дни. Так, например, два раза снимали материалы моего отдела из соображений политических. Один раз это был небольшой обзор, не очень и глубокий, который завернули в Отделе науки и высших учебных заведений ЦК КПСС. Другой случай был вообще уникальным — был снят материал, за который боролся сам наш главный редактор. Но отзыв, который он получил из посольства СССР в ФРГ, подписанный, кстати, Валентином Фалиным, был отрицательным. Отрицательным было и мнение куратора нашего журнала в Секторе истории Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС. Но Ковальченко, зная автора лично и ценя его как исследователя, долго не сдавался, а наши сотрудники буквально держали его за руки, понимая, что при негативном развитии событий и его и меня из редакции уберут. Хочу заметить, что в годы перестройки и позже этот автор много раз публиковался и даже получал степени «гонорис кауза» в российских университетах. Но это было уже другое время!

В этом разделе очерка мне бы хотелось вспомнить и о тех моих коллегах по редакции, о которых я еще не упомянул или мало о них рассказал. В моей редакционной комнате вплоть до моего перехода в МГИАИ мы работали бок о бок с Риммой Валентиновной Костиной. Она была однокурсницей Л.В. Милова, и он, будучи замом главного редактора еще при Юрии Александровиче Полякове, привел ее к нам на работу. До этого Костина была учителем истории в школе, и один из ее учеников — доктор исторических наук А.А. Чернобаев, с которым мы дружны и сегодня. Костина вела очень хлопотный по своей научно-политической сути отдел истории народов СССР. По нынешним временам это все постсоветское пространство и все народы Российской Федерации. Наблюдая работу ее и ее начальников (Дробижева, а потом и Зеленина), я уже тогда понял, как много подводных камней в освещении истории народов СССР в нашей и зарубежной историографии — что ни напиши, все равно кого-ни-

будь заденешь и будешь виноватым. Римма Валентиновна ко всему, о чем писали ее авторы, относилась с некоторой долей снисходительности, понимая, что шедевров ей ждать было не от кого. Иногда ей самой не хватало глубокого знания темы — нельзя же быть специалистом во всем. Но она могла компенсировать это только собственным политическим чутьем или опытом своих товарищей по работе. Поэтому она нередко обращалась с вопросами и к Кутьеву, и к Рахманину, и даже ко мне.

Спрашивала она и Польского, не говоря уж о том, что консультировалась из дома и с другими своими авторами, которым доверяла. И конечно, в крайнем случае, ставила вопросы перед членами главной редакции. К тому же у нее было и формальное право — долгие годы Костина была нашим парторгом. Она же, кстати, сделала все, что было в ее силах, когда меня принимали в ряды партии, передав мне впоследствии и сам пост парторга редакции. Римма Валентиновна своей семьей не создала и все материнские чувства обратила на своего родного племянника, в судьбе которого принимала самое деятельное участие.

Назвать ее особо тактичной было и нельзя, но она вставала на защиту каждого, если чувствовала, что кого-то в редакции надо поддержать. Это все знали и нередко обращались к ней за поддержкой, прежде чем пойти наверх. Могла она выступить и перед внешними силами от лица всего коллектива, не всегда имея за спиной какой-либо административный ресурс. Но она была уверена в своем моральном праве, тем более, что практически никогда не просила за себя лично. Я появился в редакции аккуратно, когда Костина, защитив кандидатскую диссертацию, собиралась отметить это событие в ресторане. Пригласила она и меня, чего спокойно могла и не делать. Мы ведь ранее не были знакомы, да и в деньгах она всегда была ограничена, кормя сестру и племянника. Но Римма Валентиновна позвала всех сотрудников редакции и членов главной редакции. Для меня же это было особенно почетно и ценно. Рядом с нами был Центральный дом работников искусств, а в нем ресторан, куда мы и отправились. Римма Валентиновна очень была участлива к моей судьбе во многих смыслах: и в профессиональном, и в политическом, и в житейском. Может и не всегда и во всем стоило следовать ее советам, но знать ее позицию было не бесполезно.

Бывали и вопросы, на которые никто кроме самой жизни не мог дать ответа. Как-то, когда я уже долгое время возивший своего сына Петю — «надежду фигурного катания СССР» на тренировки к Елене Чайковской на стадион «Динамо» аж из Теплого Стана, стал с коллегами по комнате обсуждать — стоит ли на это все силы свои положить. Развернулась

оживленная дискуссия. И вот настал момент, когда кто-то с высоты своих лет и опыта должен был дать совет молодому родителю — жертвовать всем ради продолжения подготовки чемпиона или посмотреть, как оно само сложится. Костина приняла активное участие в обсуждении, и оказалась, в результате, совершенно права — она советовала обойтись без жертв. Я же на тот момент был совершенно с ней не согласен. Но все сложилось так, что фигуриста в нашей семье мы ни одного не вырастили. Так что теперь я могу с огромной благодарностью вспомнить свою старшую коллегу, с которой хоть и не был тесным образом дружен, но очень многим оказался ей обязан.

В редакции напротив Костиной и рядом со мной сидела Галина Исидоровна Щетинина, заведующая отделом истории СССР периода капитализма. Она была ученицей самого Петра Андреевича Зайнчковского, нашего выдающегося специалиста по истории пореформенной России второй половины XIX в. Многие в редакции считали, и не без оснований, что Щетинина не очень-то и старалась редактировать своих авторов, а чаще всего оставляла первоначальный вариант. Могу сказать, что и сам состав ее авторов был, как правило, одним из самых квалифицированных с точки зрения подачи материалов, поэтому она мало чем в этом плане рисковала. С другой стороны, в этом подходе был несомненный плюс: автор всегда оставался доволен. Была, правда, и одна опасность — научно-политическая составляющая ее продукции. Но здесь Галину Исидоровну спасала сама ее тематика.

Считалось, что для начальства история России XIX в. представляла гораздо меньшее зло и опасность. Возможно напрасно, но мнение такое бытовало. Сама Галина Исидоровна, бесспорно, хорошо знала свою тему. Она изучала российское студенчество и, конечно, как все ученики Зайнчковского, прекрасно ориентировалась в питерских архивах и дореволюционной российской периодике. По этим сюжетам, включая и историографические, и источниковедческие наработки, у нее можно было очень многое почерпнуть. Также у нее можно было поучиться почти полной невозмутимости при любой негативной ситуации — все отлетало от нее как ни в чем не бывало. Но судьбе было угодно, чтобы на нее обрушилось страшное личное горе — она похоронила своего обожаемого единственного сына и вскоре, не пережив этого, ушла в могилу сама.

После ухода Кутьева ему на смену из нашего издательства «Наука» пришел парень несколько старше меня и уже опытный редактор — Олег Иванович Рахманин. В противоположность Валентину Федоровичу он был словоохотлив, много общался со всеми, собирал отовсюду всякую

информацию, долго ее анализировал, «мусолил», но порой не очень хорошо фильтровал. Он много редактировал в «Науке» сотрудников академических институтов и знал их не понаслышке. Олег Рахманин много балагурил в редакции, шутил и рассказывал новости. Он был женат уже в третий раз, что вызывало оживление и некоторый интерес у женской части редакции. При этом он был верным товарищем, готовым всегда помочь и советом, и делом. Я никогда не забуду наши постоянные беседы и в редакции, и по домашнему телефону после очередной редколлегии, или после какого-то события в институте или в Отделении истории. Да мало ли было поводов для заинтересованного разговора людей, понимавших друг друга с полуслова! К сожалению, он рано ушел из жизни из-за трагической случайности. Я принимал самое деятельное участие в его похоронах. Да и покоится Олег Иванович в Барыбино, по дороге на мой дачный участок. Светлая ему память! Через десятилетия ко мне, уже ректору РГГУ, обратилась его вдова Римма по поводу своей племянницы (детей у них не было), и я постарался как-то помочь.

Олега сменил в редакции Михаил Федорович Гржебин. Миша происходит, по моим представлениям, из семейства знаменитых российских издателей Гржебиных, да и сам он в этой сфере работает до сих пор. Пришел он тогда в редакцию из знаменитого издательства социально-политической литературы «Мысль» вслед за нашей новой после Осипяна ответственной редакторшей Юлией Владимировной Мочаловой. Издательство в советские годы было знаменито своей продукцией, да я и сам опубликовал там свою первую книгу. Миша, как и Олег, был больше редактором — его статей в журнале я не помню. Но редактором он, разумеется, был прекрасным и остается таковым по сей день. Я же был еще и автором, и в эти годы написал и защитил первую свою диссертацию, а также практически полностью написал вторую. Свою докторскую я обсуждал на кафедре Дробижева в МГИАИ, еще работая в журнале. Миша оставался в редакции и после моего ухода в МГИАИ. Контачили мы позже и по хорошим, и по печальным поводам. Даст бог, еще пересечемся.

В нашей редакции трудилась еще одна замечательная личность — наш литсотрудник Лариса Николаевна Полторацкая, человек тонкого вкуса к печатному слову и большого такта. Делала она свою работу как бы незаметно, но результат был виден всем. Ритм этой деятельности ее, конечно, изматывал. Пик нагрузки всегда приходился на последние недели перед сдачей номера. Особенно ее ценили у нас люди, сами имевшие вкус к слову, как, например, Наталья Георгиевна Думова или всегда с ней споривший, но признававший ее вкус Марк Петрович Польский. И напротив,

Галина Исидоровна Щетинина, дай ей волю, мало что приняла бы, всегда утверждая, и не без основания, что «глупость каждого должна быть видна! Ведь автором значилась отнюдь не Лариса Николаевна Полторацкая». Я очень благодарен Ларисе Николаевне за профессиональную науку — за указания на то, как важны нюансы в изложении, как нужно стремиться избегать двусмысленностей, повторов, лишних слов и слов-паразитов, как правильно оформить текст курсивами, выделениями, шрифтами, абзацами и прочее, и прочее, и прочее. А также благодарен и за ее такт, которому эта маленькая, изящная, хрупкая женщина никогда не изменяла. Ну а грубого слова из этих уст вообще невозможно было услышать! Конечно, Лариса Николаевна не хотела ничего знать о принципах политической целесообразности и применявшихся при этом штампах, поэтому, когда ее припирали к стенке, она только пожимала плечами, мол, нет приема против лома, и вынуждена была немного отступить.

После ухода из редакции Натальи Георгиевны Думовой ее функции отдела критики и библиографии передали, пожалуй, самой колоритной фигуре нашего коллектива Марку Петровичу Польскому. Судьба его завораживала своими взлетами и падениями. Начав свою журналистскую деятельность в Международной редакции «Комсомольской правды» вместе с такими мэтрами, как Валентин Зорин, Польский был вынужден сначала уйти в «Советскую культуру», потом еще куда-то, вплоть до «Общественного питания». Он так и заявлял: «Когда я работал в ЖОПе — журнале “Общественное питание”...». Там, по словам Думовой, он бы и закончил, если бы его не знала Галина Яковлевна, жена Юрия Александровича Полякова и одновременно заведующая кафедрой истории КПСС Плехановского института. Она и попросила мужа взять Польского в редакцию ответственным секретарем. Ну а после ухода Полякова из журнала Польского «подвинули» сыном бакинского комиссара, до этого работавшего главным редактором всего издательства «Наука». Осипяна за что-то понизили до нашей редакции, а Польского оставили заведующим отделом научной жизни. Но Марк Петрович в свои пятьдесят лет имел силу воли начать карьеру заново. При Ковальченко (шеф не страдал антисемитизмом) он не только возглавил сразу два раздела журнала, но и написал в стенах редакции обе диссертации по исторической тематике и выпустил книгу, став доктором исторических наук примерно в одно со мной время! Конечно, он был кладом житейского опыта, включая и многие бытовые проблемы. С чувством юмора у него тоже все было в порядке. За словом в карман он никогда не лез, и многие его выражения разобрали на цитаты. Меня, поскольку

я один был в редакции автомобилистом, называл за глаза и в глаза «Водилой», а Рахматуллина, выписывавшего журнал «Катера и яхты», не иначе как «Мотористом». Когда один из его авторов вздумал ему заявить, как, мол, он разговаривает с доктором наук, он, медленно сняв свои очки с большими диоптриями, негромко так, но четко произнес: «Докторов наук до хрена! Журнал “История СССР” — один (тут он поднимал указательный палец), а обо мне и говорить не приходится. Иди отсюда к такой-то матери!» Как-то некий автор заскочил к нам с вопросом: «А где здесь Винокур?», разыскивая, видимо, меня, Пивовара. Польский сразу ему ответил, что тот «сегодня на другой площадке».

Ковальченко только Польскому как специалисту по «общественному питанию» поручал организовывать праздничные мероприятия в ресторане, к примеру. Но случалось, его усилия были напрасны. Как-то, готовя скромный стол в редакции, он решил украсить тарелку с колбасой одним кусочком сыра... но кто-то из наших сотрудников вернул этот кусочек на тарелку с сыром! Его познания в самом историческом материале не всегда были основательны, но зато он считал себя докой в полиграфии и в политике текущего момента. Последнее не всеми признавалось, в том числе и автором этих строк. Еще он был неплохим оратором, но в условиях цейтнота это не всегда было к месту, и его могли и прервать, и отмахнуться. Но все равно мы ждали этих его тирад и небольших практически театральных выступлений. Марк Петрович относился ко мне не просто по-доброму, а практически как старший брат или родной дядя. Это не мешало нам и спорить порой до крика, и подтрунивать друг над другом, и правду друг другу молвить.

Над домом на площади около МИДа, где он жил в коммунальной квартире, горело по вечерам табло: «Печать — наше грозное оружие». Он был лет двадцать как в разводе. Бывшая жена и сын долгие годы с ним не контактировали, а затем и вовсе уехали в США, где я с младшим Польским пару раз разговаривал по телефону. Родни у него в Москве не осталось — родная сестра и племянник еще раньше покинули Советский Союз. Была у него в последние годы жизни в СССР женщина, которая к нему была очень привязана. Она в больницу приходила его выхаживать, когда он загремел с тяжелейшим инфарктом. Но впоследствии, когда он уже поправился, сама ушла в мир иной от онкологии. Воистину, чудны дела твои, Господи...

Мне удалось помочь ему с жильем. Как член Союза журналистов, он имел право вступить в ЖКХ издательства «Наука». Как-то на овощной базе, бывала такая разнарядка от нашего доблестного издательства,

перебирая свеклу, узнал от одной нашей барышни, что они формируют в издательстве «Наука» ЖКХ, а члены Союза журналистов имеют право вступить в него первоочередно. Так Марк Петрович получил квартиру в Ясенева прямо у метро и недалеко от нашей академической больницы. Все время вспоминаю этот случай, когда по возрасту все чаще проезжаю этот дом или по пути в больницу, или выезжая из больницы РАН.

Кстати об овощных базах. Этого довольно противного и унижительного мероприятия советской действительности никак нельзя было избежать, ведь я был еще и самым молодым сотрудником редакции, разве только Наташа Елисеева была моложе. Поэтому я попадал туда регулярно, а ехать было нужно всегда на другой конец Москвы. Сначала на метро, потом еще на чем-то, причем рано утром. Как-то раз спускаюсь я в метро на станции «Профсоюзная», одетый, как положено для овощной базы, почти как бомж. Тут меня под белые ручки загребает милиционер, просит паспорт показать, который, конечно, на овощную базу никто не брал. Узнав от меня, где я работаю и телефон редакции, он при мне звонит Мочаловой, спрашивает, есть ли такой Пивовар в составе работников журнала, и отпускает меня с богом... Так до сих пор и не ясно мне, что же он выяснил!

Возвращаясь к образу Марка Петровича, не знаю даже, была ли тема, которую я бы с ним не обсуждал. Вплоть до мелочей. Мы как-то решили с Галей воспользоваться возможностью, тогда не частой, и заказать ей шубу из каракульчи. Польский узнал, что мне нужно купить подкладку. Он походил по магазинам «Ткани», нашел нужный материал и долго мне объяснял, почему именно его нужно брать. При разговоре тет-а-тет он не скупился на нецензурные выражения, и можно представить, что произошло, когда он комментировал мои способности горе-покупателя!

Конечно, с молодым задором и как выпускник Истфака, я подтрунивал над темами его штудий, начав с того, что тема по истории общественного питания в Стране Советов сродни просто «бутербродной теме». Ну а когда он на полном серьезе стал мне доказывать разницу между общественным питанием при социализме и массовым — при капитализме, моей радости не было предела!

Как-то мы стали обсуждать возможных оппонентов его будущей докторской, и я стал ему предлагать самых известных и ярких коллег по цеху. Марк Петрович послушал «этого в его глазах неопытного юнца» и изрек: «Такие оппоненты мне на ... не нужны! Они будут красоваться, размазывая, как дерьмо по тарелочке, все, что я сотворил. В этом деле мне совсем не нужны гении и яйцеголовые наши писатели, пускай они

пишут нам в журнал, участвуют у вас дискуссиях в ваших рубриках, разделяют под орех труды своих противников и т.д. и т.п. А мне нужны спокойные товарищи, сами с большим трудом, своей задницей неутомимой долго шедшие, как и я, к заветной цели, уважающие большие усилия коллег, может быть и без больших открытий мирового уровня, но представившие на суд совета работу завершённую и основательную, вот каких нужно найти оппонентов...»

Это соображение я позже имел в виду, когда стал размышлять о своих оппонентах, хотя мне в этом деле помогал сам Дробижев, что сильно облегчало задачу. Но когда я сегодня ищу оппонентов для своих учеников, то всегда вспоминаю своего старшего друга. А он, кстати, всегда сулил мне высокую будущность. Он утверждал, что я достигну большего административного успеха, чем мой учитель! Из чего он исходил, право не знаю, но формально оказался прав. Владимир Зиновьевич Дробижев, обладая выдающимися административными способностями, достиг только поста заместителя заведующего кафедрой в МГУ и заведующего кафедрой в МГИАИ. Зато, когда судьба даровала ему первые роли, его энергии, напору, молниеносности и верности решений можно было только позавидовать! Конечно, и прожил он очень мало — меньше 58 лет. Но формально к его возрасту я уже достиг пика своей административной карьеры. Справедливости ради стоит отметить, что Марк Петрович, «воспитанный» в годы борьбы с космополитизмом, был уверен, что мое продвижение по карьерной лестнице будет все равно ограниченным.

Чувствуя, что я достаточно точен в названиях работ, Польский, который был ровесником моего отца, прислушивался и к моим поправкам в формулировках. Кстати, окончательные названия обеих наших докторских диссертаций — это плод четырех авторов: нас двоих, а также Владимира Зиновьевича Дробижева и Ивана Дмитриевича Ковальченко. Так что роль журнала «История СССР» в этом деле бесспорна! А вообще интерес к формулировке названия любой работы или какого-то семинара, чтений, проектов, учреждения и т.п. пришел ко мне из многочисленных обсуждений этой темы с Марком Петровичем Польским. И многие названия, мною созданные, давно уже живут своей жизнью.

В жизни нашей редакции случались обстоятельства, которые можно назвать чрезвычайными. Это, например, так называемые «выдерки». Это те случаи, когда приходилось уже из готового тиража журнала, а это десять тысяч экземпляров, что-то убирать или исправлять вручную. Первый раз это произошло, когда на одной полосе вместо ЦК КПСС было напечатано ТК КПСС. Нам пришлось в каждом номере это исправлять,

то есть один человек раскрывал журнал на нужной странице, другой лезвием одну букву стирал, другой вручную буквой печатал, а следующий складывал готовые экземпляры, когда все высыхало. Вот так! Другой раз в журнале напечатали рецензию на книгу «Таджики». Некоторые моменты в книге вызвали критику у узбеков, за которой стоял сам первый секретарь Компартии Узбекистана. При этом отдел науки имел одну позицию, отдел агитации и пропаганды, кажется, другую. Сначала была дана команда текст выдирать и вставлять другой текст, когда процентов 25 уже было сделано. Потом поступила команда выдерку прекратить, затем продолжить и так далее...

Правда, один раз мы все пострадали за других. В издательстве «Наука» издавался журнал «Химия и жизнь» (30 тысяч экземпляров). Было время накануне очередного съезда КПСС, и политорганы предлагали открыть номер чем-то, что связано было бы с этим историческим событием. Наши доблестные химики на первой своей странице напечатали лихой такой рисунок: летит грузовичок, в его кабине — свинушка, козлик, еще какая-то улыбающаяся живность, а в кузове — большие коробки с бантиками, в которых добавки то ли к кормам, то ли еще к чему-то. А над всем этим животным миром надпись — «Навстречу XXVI съезду КПСС». Какой-то ретивый пропагандист это все забраковал, и мы в типографии города Чехова все это выдирали ради квартальной премии.

Был случай, который привел нашего дорогого Георгия Суреновича к подлинному триумфу и бесконечным благодарностям, раздававшимся во всех наших домах, и повторению песни Высоцкого на свой лад: потому что «премия в квартал» в тот раз «не накрылась». Страна готовилась отпраздновать очередной 75-летний юбилей дорогого Леонида Ильича. И по этому поводу все журналы должны были помещать портрет любимого вождя. Можно было, наверное, и не делать этого, но на всякий случай помещали все.

Осипян поступил не тривиально — он выбрал портрет Леонида Ильича, сидящего вполоборота и даже кутившего, в общем, живого человека. Но ведь все журналы сдавались в типографию заблаговременно, а в канун всенародного торжества Брежнев получил еще одну награду Родины. И все должны были менять портреты, на которых не хватало награды, а это где-то до сотни периодических изданий нашего издательства «Наука». Меняли все, кроме нас. Мы одни вышли вовремя и получили свою премию (а это три оклада!).

Мы все с большим уважением относились к нашему главному редактору и гордились им, понимая, что он не только прекрасный руково-

дитель, но и настоящий ученый. С радостью отмечали его юбилеи, болели за него во время выборов в академики. К сожалению, пока я работал в редакции, Ивана Дмитриевича, избранного в члены-корреспонденты в 1973 г., до 1986 г. так и не выбрали в академики. Очень активно отмечали мы и круглые даты журнала: двадцатилетие и двадцатипятилетие. Была и на тридцатилетии. Во время банкета в ресторане «Москва» стол вели два академика — Ким и Минц, а точнее каждый считал, что ведет именно он! Началось между ними соревнование, но Минц по части выпить был закаленным бойцом. Все знали, что перед ним нужно поставить бутылку коньяку, из которой он один и будет пить.

Когда Ким уже не претендовал на руководство столом по объективным причинам — просто не мог говорить, Минц, бесспорно, много сил отдавший своей победе, произнес: «По-моему, здесь пытались произвести госпереворот, но попытка провалилась!»

Ковальченко решил через некоторое время дать слово мне. Он назвал мою фамилию, я поднялся, и вдруг Минц произносит: «Надо фамилию поменять!» Возможно он выпил больше, чем было в его бутылке, но вышло форменное хамство. Я же и ответил соответственно, что фамилию менять не собираюсь. Тут начался переполох, многие маститые ученые, в том числе великий С.С. Дмитриев, пытаясь как-то исправить неудобное положение, вскричали: «Да хорошая же фамилия!» Минц сразу прикинулся, что плохо слышит, и все как-то само собой прошло.

Один раз на нашу команду была проведена попытка идеологического нападения руками нового директора института А.А. Нарочницкого. Он собрал комиссию из сотрудников института и поручил ей искать на нас компромат. Ковальченко вместе со всеми нами, опираясь на влиятельных своих авторов и членов редколлегии, в том числе из ЦК КПСС, удалось с большим трудом, но устоять!

Кстати, тогда я понял, что одна и та же фраза в устах разных людей может иметь разные последствия. Так, Иван Дмитриевич очень часто справедливо повторял, что журнал «История СССР» — всероссийский орган по отечественной истории, ведь авторами его были все историки нашей страны, занимающиеся историей СССР. Он был представлен в каждом отечественном вузе! И вот его заместитель, Илья Николаевич Зеленин, будучи сотрудником института, в присутствии директора института произнес дословно то же самое и получил разнос за, казалось бы, само собой разумеющееся, и даже услышал официальное опровержение. Ибо журнал ... был органом института! И только института! Хотя на самом деле лишь меньшая часть авторов была представлена нашим

институтом! И многие актуальные и крупные проблемы, которые освещал журнал, вообще сотрудниками института по разным причинам не разрабатывались.

Так, например, случилось, когда журналу было поручено компетентными органами после специального постановления ЦК КПСС освещать на своих страницах проблематику критики и даже борьбы против маоизма! Это, разумеется, произошло после событий на Даманском и китайско-советских столкновений на границе. Во Владивостоке была запланирована специальная научная сессия, посвященная критике маоистских концепций истории России. И мне предложили поехать и заказать какие-нибудь статьи для нас.

Мероприятие было неслыханным! Я к тому времени ни разу так далеко не летал, а тогда перелет составлял 13 часов с посадкой на несколько часов в Хабаровске. Марк Петрович Польский сразу предложил мне отправить руководителю Дальневосточного отделения АН СССР специальную телеграмму, подписанную самим главным редактором журнала, о приезде спецкора, заведующего отделом и пр. с просьбой оказать полное содействие.

Мне даже купили билет в первый класс рейса Москва-Хабаровск-Владивосток, аж за 134 рубля! До этого я первым классом никогда не летал, да и после этого бизнес-классом я стал летать только через много-много лет. В самолете мне наливали коньяку и водочки, и закусывал я черной и красной икрой. Соседом моим по рейсу был какой-то бухгалтер-ревизор, ехавший с проверкой финансовой, и понятно, почему ему купили билет в первый класс ожидавшие его граждане далекого Владивостока!

Выйдя в Хабаровске, я смог попасть в центр города и увидеть Амур. Но сам город не произвел на меня впечатления — много было домиков частного сектора, похожих на домики моего родного Перова, где фундамент уже гулял, а часть окон была заколочена...

Но в аэропорту Владивостока, после паспортного контроля, прямо в салоне проводимого пограничниками (забыл сказать, что тогда въезд во Владивосток был по разрешениям, которые нужно было заранее получить в Москве), меня ждал персональный рафик с заместителем директора института, который и доставил спецкора журнала во Владик — так ласково зовут свой город его жители. Наутро меня принял сам членкор АН СССР А.И. Крушанов, который тогда властвовал в своем институте, как в дальнем уделе российской научной империи. Он был человеком активным и энергичным. Встретил он меня явно после продолжительных вечерних боев с зеленым змеем и процесс общения со мной, ко-

нечно, хотел сократить. Но он стоически выдержал процедуру передачи ему приветов и пожеланий от московских коллег, писем и записок, ему адресованных, грамот с моими полномочиями и редакционными заданиями. Я участвовал в его конференции, слушал его грозные речи в адрес восточного соседа. Помню и смешные детали, например, когда он стал объяснять место и роль якутского этноса и его соседей на Дальнем Востоке. Он вдруг поднял в зале одного скромного парня и сказал, что перед нами представитель народа юкагиров. После этого он заявил, что когда-то по сравнению с малочисленными якутами дым от юкагирских костров затмевал даже солнце!

Мы как-то поехали с ним на его машине за город и перепутали направление... Тогда Андрей Иванович рассказал мне случай, когда в Монголии его повезли на единственный или самый большой, но чисто монгольский водопад. Жара стояла страшная, машина тащилась по бескрайней степи бесконечно долго. Примерно часа через три вице-президент Монгольской академии, который и сопровождал советскую делегацию ученых, что-то спросил у водителя на своем языке, потом еще что-то... Потом полез в карман, стал глотать таблетки и только затем сказал: «Однако в другую сторону поехали...»

Меня во Владивостоке опекала еще одна команда. Это были два аспиранта заведующей кафедрой истории СССР Элеоноры Васильевны Ермаковой, близкой знакомой Владимира Зиновьевича Дробижева, бывавшего здесь до меня. Она печаталась в нашем журнале. Это была очень энергичная женщина 45–50 лет, знавшая в городе практически всех, кто что-либо решал. К тому же она была женой морского офицера. Благодаря ее протекции я попал на флагман китобойной флотилии и на огромный корабль-плавбазу рыбного флота, на которой в путину около 900 лиц женского пола разделявают сайру в течение месяцев шести и более. При этом вся команда мужского пола составляла около 40 человек. Увидел я и женские кубрики с двухъярусными кроватями на цепях, и кают-компанию, и номер боцмана — трехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Выводы мог делать сам. Привезли меня и на берег Тихого океана, где я в первый и последний пока раз сам поймал на удочку камбалу. На берегу я нашел много морских звезд, из которых затем сделал своему сыну Пете маршальские погоны. Ромы тогда еще у нас не было, а то бы сделал и ему. На берегу я набрал воды из Тихого океана, желая привезти ее в Москву, в Восточную Европу, омываемую водами Атлантики. Но не тут-то было! В Хабаровске бдительные погранцы заставили меня эту воду вылить. Я, дурак, тогда не понимал всей ценности для западных разведок

проб воды из наших закрытых территорий на Тихом океане. Когда я стал собираться в обратный путь, то обнаружил огромное разнообразие соленой и копченой рыбы во Владике. В итоге я вынул все свои пожитки из чемодана, переложил их в картонную коробку и загрузил его только заломом, селедкой, красной рыбой разных сортов и видов — всем, кроме икры. Ее мне только маленькую баночку в Хабаровске удалось найти. Вернувшись в редакцию, я устроил рыбный пир! И всех убедил, что вкуснее тихоокеанского залома ничего не может быть.

Уже с начала 80-х я стал искать себе применение вне редакции. Я преподавал в ряде вузов, в том числе в ВЮЗИ на кафедре истории КПСС. Другой там и не было для заочников. Зато когда меня останавливали гаишники и традиционно спрашивали, кем работаю, после ответа: «В ВЮЗИ!» — всегда с почетом отпускали. Потом я работал в Ленинском Педе, вел семинары у узбекских групп, затем у студентов факультета, готовящего преподавателей-дефектологов. Ну и, конечно, не мог не размышлять о поисках дальнейшей работы после ухода из редакции. Пути могли быть разными. Например, институт Академии наук — традиционный путь многих моих коллег. Или какой-либо вуз, куда я готов был пойти только на кафедру отечественной истории. При этом выбор был в Москве небольшим. Помню даже попытки свои попасть в ИМЛ при ЦК КПСС, куда я приглашен был на беседу и притащил с собой целый дипломат своих трудов... а они меня спросили о «концепции ускорения». Возвращаясь пешком к станции «ВДНХ», я про себя смеялся: концепция! Все просто с ускорением и его концепцией: бери больше и кидай дальше! Вот тебе и ускорение, которому меня еще папа учил.

Было у меня и предложение от Ю.Н. Афанасьева пойти работать к нему в отдел истории редакции журнала «Коммунист». Я ему сразу сказал — вы меня не сможете взять. На дворе был уже апрель-май 1985 г. Он стал возражать и просил звонить ему каждый день, ожидая вызова к его руководству. Надо сказать, что в эти самые майские дни я был все время в Москве и занимался ремонтом нашей квартиры на Профсоюзной. Я мотался по магазинам и хозяйственным базам и регулярно, между этими занятиями, звонил Афанасьеву. А он сообщал, что сегодня не позовут...

Наконец он меня вызвал и я приехал в редакцию. Меня встретил его зам Бушуев, сообщил, что Юрия Николаевича вызвали в ЦК и он меня сопроводит на беседу к заместителю главного редактора журнала Бугаеву. Сам Бушуев с трудом ходил, опираясь на палку... И вот мы входим к человеку с лысым черепом. Иван Иосифович, по-моему, так

звали его, или Иосиф Иванович. Он минут сорок рассказывал о своем здоровье — о том, как простудился еще в белорусских лесах в годы своей партизанской молодости, где был рядом с Зимяниным (секретарем ЦК КПСС в это время). И вот с тех пор, мол, чихаю и сморкаюсь нередко... В заключение поблагодарил меня за встречу... Встретив возвратившегося Афанасьева, я сообщил ему, что мог, и проводил к автобусу, который возил партийных слуг трудящихся в столовую ЦК на обед и обратно в редакцию. Афанасьев сказал, что теперь меня главный редактор вызовет. Но этого так и не случилось.

Ну а когда летом 1986 года меня позвал Дробижев и сказал, что с осени он возьмет меня в штат МГИАИ, вопрос был снят. Кстати, я уже год был связан с кафедрой Дробижева — что-то писал ему, вел семинары, участвовал в обсуждениях. Все это происходило в помещении, в котором впоследствии расположился ресторан «Борис Годунов». А тогда именно там находились кафедра шефа и некое подобие музея МГИАИ. Мебель там была довольно ветхая. Помню, как одна стажерка из США утверждала тему своей работы по истории советской космонавтики и прямо в этот момент провалилась на своем сломавшемся стуле. Я, присутствуя на заседании, сказал при всех Дробичеву, что Филлес, так звали милую и красивую девушку, прямо сейчас можно отправлять в открытый космос!

Важнейшая часть моей профессиональной жизни в журнале «История СССР» подходила к концу. Но с редакцией этого журнала я не расстался до сих пор. В 1989 г., будучи уже деканом ФАДа МГИАИ, вопреки воле Афанасьева, я стал заместителем главного редактора у Корнелия Федоровича Шацилло. Работал с ним, пока он оставался главным, выполняя функции куратора советского периода, как и мой уже ушедший в мир иной шеф. Тогда я на время унаследовал оба его поста: и заведующего кафедрой, и зама главного редактора.

С тех пор и поныне я вхожу в редколлегия журнала, хотя историческое время несколько раз менялось кардинально, так же как вес и значение журнала для развития исторического знания. Со всеми работавшими в редакции после моего ухода я старался поддерживать связь, приходил на юбилеи и выступал и с воспоминаниями, когда звали. С Натальей Георгиевной Думовой долгие годы контактировал, даже учил и выучил ее внука. А сейчас перезваниваюсь с ее очаровательной дочкой Олей и передаю маме приветы. С Марком Петровичем Польским был в постоянном контакте и до тех пор, пока он работал в редакции, и после, когда он уехал из страны. Храню до сих пор часть его изумительных пи-

сем из США, написанных почти каллиграфическим почерком с какими-то вырезками из газет. На конверте всегда была приписка: «В письме денег нет, просьба не вскрывать и переслать адресату». Затем, когда я приезжал в США как приглашенный профессор, всегда старался ему звонить и узнавал много интересного об эмигрантской жизни. А я был счастлив сообщить ему, что его многолетний младший товарищ, которого он пытался учить уму-разуму, стал на его родине ректором РГГУ. Он узнал об этом в 2006 г., когда меня избрали и утвердили на коллегии Рособразования. Как человек, много повидавший и ничему особенно не веривший на слово, он хотел убедиться в том, что это явь! Когда же я позвонил в следующий раз, трубку взял его племянник и сказал, что его уже нет в живых...

В заключение хочу еще раз сказать, что эта страница моей биографии по праву одна из самых значимых, и я действительно благодарен судьбе за то, что встретил таких ярких людей и многому научился у своих старших коллег. Насколько это удалось — не мне судить. А вот какую-то частицу памяти о них очень хотелось бы сохранить!

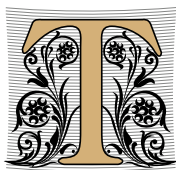

Ключевые слова:

В.И. Ленин, «русский фактор», Брестский мир, Антанта, Центральные державы, революция, Фабианское общество.

Efim I. Pivovar

FIRST JOB IN THE PROFESSION I TRAINED FOR

he editorial board of the Historical Reporter suggested that I should publish some memoirs for the special edition of the magazine. Believing that the magazine's readers might be interested in how the editorial boards of history magazines operated in our country in the past, I decided to publish my notes. The events described in this piece took place in the 1970s–1980s, i.e. 35–50 years ago. A lot of my mentors and older colleagues have unfortunately passed away... A lot has changed and continues to change in how the editorial staff of history magazines operates. Younger readers might find it nearly impossible to imagine some of the processes, phenomena, and actions that happened in those days... Nevertheless, I believe it is my duty as a historian to relay the past as it happened, without embellishing or holding back anything, as well as to talk about my mentors and colleagues that I got to work with. It is my earnest hope that my humble work will bring to life the people behind the hundreds of the History of the USSR issues sitting on library shelves all over the world.

Key Words: History of the USSR (research papers), Vladimir S. Drobizhev, Academy of Sciences of the USSR, Nauka (publisher), CPSU CC, Moscow State Historico-Archival Institute.

Efim I. Pivovar — Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences.

 Пивовар Ефим Иосифович

доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель редакционного совета
журнала «Исторический вестник»